

Анна Димьяненко

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУДУЩЕЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА ДЛЯ ДЕТЕЙ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ В 1920–1939 ГОДЫ

В статье проанализирована репрезентация исторического прошлого в русскоязычной литературе для детей, выходившей в Европе с 1920 по 1939 г. Эмиграция из России после 1917 г. основной задачей своего существования провозгласила подготовку к возвращению. К 1924 г. по подсчетам исследователей Россию покинули около 18–20 тысяч русскоговорящих детей, семьи которых планировали в ближайшем будущем вернуться обратно. До потенциальной реализации этой задачи эмигрантская общественность стремилась во что бы то ни стало не допустить культурной ассимиляции подрастающего поколения за рубежом. Поддерживать и сохранять русскую культуру для подрастающего поколения предлагалось через язык, литературу и образование. Идея будущего возвращения и образы, связанные с родной культурой, складывались из представлений эмигрантов о единственной понятной им реальности — прошлого покинутой России. На материале исторической прозы для детей, издававшейся в эмиграции впервые в 1920–1939 гг., и переизданий дореволюционных текстов, дается анализ изменений объекта исторического знания в произведениях эмигрантов: смещение фокуса от исторической событийности и биографий исторических личностей к истории индивидуальной повседневности.

Ключевые слова: историческая проза, детская литература эмиграции, критика, память, детское чтение

Рецепция литературного произведения является необходимым свойством характеристики книгоиздательского процесса. Одним из распространенных препятствий в изучении детской литературы, созданной за рубежом, является практически полное отсутствие

Анна Андреевна Димьяненко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Петербург

ann.dimyanenko@gmail.com

сохранившихся данных, в которых были бы зафиксированы читательские практики детей, посещавших русские школы и библиотеки. В этом контексте письмо Варвары Николаевны Бобринской (1864–1940)¹, известной благотворительницы, занимавшейся вопросами книгоиздания для детей в русском зарубежье, в редакцию газеты «Возрождение» о чтении в библиотеке при Русском Педагогическом музее в Париже представляется редким документом о массовом чтении детей эмигрантов. В статье она пытается представить собирательный портрет читателя библиотеки через описание возрастных и гендерных предпочтений и охарактеризовать трудности, с которыми сталкиваются библиотекари при комплектовании фонда:

Потребность в чтении колоссальная. Чтением приходится руководить все время. До библиотеки потребность в чтении удовлетворялась детьми случайно и большей частью неподходяще. Читались классики без разбора. Восемилетние докладывали, что они прочли всего Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а один девятилетний карапуз объявил торжественно, что прочел «Отцы Карамазовы». Нечего и говорить, что от такого чтения пользы весьма мало. Библиотека придерживается такой системы: до 12–13-ти лет снабжать детей детской беллетристикой, русской и переводной — исторические повести, на которые дети прежде всего набрасываются, повести из русского быта, и только с 13-ти лет знакомить с классиками. Кроме исторических повестей, на которые наибольший спрос, в особенности вновь приходящих, выбор мальчиков идет в сторону приключений, путешествий в далекие страны и т. п.; девочки просят рассказы из жизни других девочек преимущественно русских [Бобринская 1933, 4].

Из этого письма в редакцию следует, что исторические повести и «повести из русского быта» были одними из самых востребованных жанров в чтении детей, посещавших библиотеку при Русском Педагогическом музее. Взяв на себя функцию «руководителей» детским чтением, сотрудники библиотеки считали книги этой тематики «полезными», а содержание их наиболее понятными для ребенка.

Наибольший интерес у критиков и педагогов русского зарубежья вызывал жанр исторической повести, посвященной событиям из истории Российской империи и Московского царства. К исторической прозе также причислялись биографии известных ученых и писателей, которые не были адресованы детям, но, по мнению критиков, дополняли представление об историческом контексте. Парадоксальным образом историческая проза, с вымышленными героями и сюжетами, считалась вспомогательным ресурсом или

дополнительным чтением к учебникам по истории и географии. Предполагалось, что исторические события на фоне сюжетных перипетий и харизматичных героев заинтересуют и увлекут читателя: «Повесть эта с интересом прочтется учащимися, уже знакомыми с первоначальным курсом русской истории. <...> Интимная жизнь царской семьи, непримиримая вражда и борьба придворных партий родственников цариц описана очень хорошо, *вытукло* (курсив мой — А. Д.), и чтение этой книги, несомненно, поможет учащимся значительно яснее и полнее представить себе этот период русской истории» [Елачич 1923а, 215].

Книжный рынок, созданный эмигрантами из России за рубежом, представлял собой жанровое разнообразие книг, как уже известных читателям по первым изданиям, так и новых, созданных писателями в эмиграции. Исходя из количественных данных о репертуарах книжных издательств, ведущим жанром книг для детей в эмиграции являлась сказка [Русская зарубежная книга 1924; Каталог 1925; Димьяненко 2015]. На этом фоне историческая проза была практически незаметна, хотя эпизодические переиздания (Лукашевич К. «Славная Севастопольская оборона» (Вена, 1922), Немирович-Данченко В. «Рыцари гор» (Берлин, 1922)) и оригинальные произведения (Елачич Е. «Сильные духом» (Белград, 1930)) все же появлялись. В Берлине на русском языке в издательстве А. Ф. Девриена выходила серия «исторических переложений для юношества» — все переиздания дореволюционных книг: Л. Жданов «Стрельцы у трона. Русь на переломе» (1922) — переиздание 1908–1909 гг., Л. Жданов «Царь Иоанн Грозный» (1921 или 1922) — переиздание 1904 г., Л. Жданов «Царь и опричники» (1921 или 1922) — переиздание 1911 г., В. Желиховская «В татарском захолустье» (1922) — переиздание 1913 г., «Князь Илико, маленький кавказский пленник» (1922) — переиздание 1888 г., П. Полевой «Избранник Божий: Ист. повесть начала XVII в.» (1922) — переиздание 1911 г., П. Полевой «Кудесник» (1921) — переиздание 1913 г., П. Полевой «Корень зла» (1922) — переиздание 1907 г., С. Макарова «Грозная Туча: историческая повесть для юношества из времен Отечественной войны» — переиздание 1886 г., Г. Полилов «Наши деды-купцы: Бытовые картины начала XIX столетия» (1921 или 1922) — переиздание 1907 г.

Все книги, вышедшие в издательстве А. Ф. Девриена, в жанровом отношении представляли собой беллетризованную историческую прозу о разных периодах российской истории. Повести Л. Н. Жданова посвящены периодам правления Ивана IV и Федо-

ра Алексеевича Романова и сфокусированы на биографиях царей. Свою задачу представить противоречивые и влиятельные фигуры в истории, опираясь на мемуары и лекции историков, автор излагает в предуведомлении к книгам. «Лишь кое-где, стараясь выяснить связь между событиями, воссоздавал и рисовал я не отмеченные в древних летописях звенья и картины, как сам их видел в своем воображении» [Жданов 1904, 4] — такое осторожное предупреждение могло быть значимым критерием для включения книги в серию для юношества, поскольку автор сам определил высокую степень достоверности сюжета и биографий героев своей повести. Действие повестей В. П. Желиховской «В татарском захолустье» и «Князь Илико, маленький кавказский пленник» происходит на Кавказе в 1830–1840-е гг. Повествование сопровождается этнографическими деталями и бытовыми подробностями местного образа жизни. Главная героиня повести «В татарском захолустье», девочка-подросток, знакомится с дочерью местного князя и узнает о положении женщин в мусульманском мире. Кавказ становится местом действия в повести В. И. Немировича-Данченко «Рыцари гор: исторический роман из Кавказской войны» (переиздание 1911 г.) и также посвящен периоду 1830–1840-х гг. В книгах «Корень зла» и «Избранник Божий» П. Н. Полевого действие происходит в период Смутного времени, главной сюжетной линией дилогии является противостояние боярства и царской власти.

Историческое прошлое в изданиях, републикованных за рубежом, — это события, относящиеся к переломным периодам в истории России — смена власти, Смутное время, войны Кавказская («Рыцари гор», «Князь Илико, маленький кавказский пленник»), Отечественная (С. Макарова «Грозная Туча: историческая повесть для юношества из времен Отечественной войны»), Крымская (Лукашевич К. «Славная Севастопольская оборона»). Действующие лица этих повестей за редким исключением («В татарском захолустье») реально существовавшие люди — цари и царское окружение (Л. Жданов. П. Полевой), полководцы и офицеры (С. Макарова, К. Лукашевич), поэтому повествование сосредоточено на представлении истории через события и биографии отдельных людей. Эпизоды из истории, выбранные авторами, носят авантюрный характер, поэтому история, описанная в этих текстах, по мнению историка и эмигранта П. М. Бицилли, с одной стороны, должна была «сообщить возможно больше исторических „сведений“ в „приятной“ форме, подсахарить лекарство» [Бицилли 1927–1928, 207] изучения истории в школе по учебника, которые, по словам са-

мих учащихся, признавались скучными и излишне подробными: «...мы учились по учебнику проф. Р. Виппера. Это был громоздкий учебник, подробный, из которого почти ничего не оставалось в памяти» [Салтупе 1999]. С другой стороны, триумфальный нарратив в текстах, посвященных войнам и освоениям новых территорий, способствовал формированию и укреплению чувства национальной уникальности и справедливой обособленности.

Частые призывы критиков к использованию художественных произведений в форме дополнений к материалам школьной и гимназической программ были небезосновательными. Рецензия на учебник «Русская история: для основных школ» Р. Виппера в ежедневной газете «Сегодня» за 1929 г. начинается со слов: «Преподавание русской истории в основных школах в течение ряда лет было сопряжено с большими трудностями, вытекавшими из отсутствия учебников, удовлетворявших требованиям, предъявляемым к предмету в изменившихся условиях современности. Приходилось пользоваться устаревшими учебниками, содержание которых находилось в резком противоречии с научным пониманием процесса русской истории после событий 1917–1918 г.» [А. Р-ин 1929]. Исследователь учебной книги русского зарубежья 1920–1930-х гг. В. Г. Безрогов пишет, что новые учебники в эмиграции практически не создавались. В школах использовались «учебники, вывезенные из России или воспроизводившие дореволюционные издания, а также лично подобранные учителями тексты при отсутствии каких бы то ни было изданных пособий» [Безрогов 2021, 94], а те немногочисленные образцы, которые все же выходили из типографии, были адресованы детям дошкольного возраста и малышам. Несмотря на то, что статьи об отсутствии учебников на книжном рынке публиковались реже, чем замечания об издании художественной литературы для детей в целом, они представляли не меньшую значимость для эмигрантского сообщества. Указание на «резкое противоречие с научным пониманием процесса», о котором говорит автор, означает необходимость пересмотра подходов к анализу исторических событий и их интерпретации в учебниках, опубликованных после революционных лет. Отчетливее эту мысль высказывает плодovitый рецензент журнала «Русская школа за рубежом» Е. Елачич об учебнике «Отечественная старина. Очерки русской истории» Е. Акинфеевой, изданном впервые за рубежом:

Та часть «Отечественной старины», которая обнимает собою русскую историю до царствования Александра II, не представляет собою ни-

чего оригинального. Это обычная трактовка исторических явлений, как то полагалось в былое время, чтобы книга удостоилась одобрения Ученого комитета министерства народного просвещения для допущения ее в школьные библиотеки. То же описание деятельности князей и царей, тот же Иловайский, который так надоел русской школе и по стопам коего вряд ли следовало добровольно идти сейчас. <...> ...юный читатель никак не в силах будет понять, откуда же вдруг появились нелады в стране, почему столь благодетельствованное царями русское крестьянство упорно не процветало, почему, наконец, царствование Николая II кончилось гибелью всей страны [Елачич 1923, 119].

Педагог Елачич понимает, что безвозвратные изменения, которые произошли в мире, свидетелями и участниками которых стали дети, контрастируют с изложением истории, преподносимой в до-революционных школьных и гимназических учебниках, поэтому строго резюмирует: «исторического развития она не дает, понять детям современности не поможет». Критик также признает, что для понимания исторического процесса и текущих исторических событий необходима хронологическая дистанция, которая позволила бы оценить произошедшие перемены: «Вряд ли можно признать правильным изложение в книге, долженствующей иметь характер исторической, событий, не отошедших еще в область истории, еще современных. Мы их еще не знаем, не можем понять, не в силах выделить важное по своим последствиям (в будущем) от не важного, случайного, мелкого» [Елачич 1923, 120].

В одном из своих рассказов для детей из сборника «Сильные духом» (1930), Елачич вводит исторический нарратив, но для того, чтобы проблематизировать незнание собственной национальной истории. Главные герои, друзья-гимназисты, называют свою небольшую дружескую компанию «Славянской Вольницей», поскольку все они считают себя представителями «сербского, русского и чешского народа» [Елачич 1930, 3], но, пытаясь объяснить происхождение древних курганов, сталкиваются с насмешкой незнакомца: «Какие же вы славяне... если вы не знаете, что это священный славянский курган?» [Там же, 7]. Рассказ незнакомца не имеет реального основания, он полностью выдуман. Это замечают и сами герои, которые пытаются исправить неточности в рассказе, ссылаясь на учебник: «Царствовал в то время, — продолжал старик, даже не подняв на Нику глаз, — в славном городе Риме великий и могущественный царь Ариан. — Такого царя, к сожалению, не было, — не унимался Ника. — Был в Риме император Адриан в первой половине второго века после Рождества Христова»

[Там же, 8–9]. Выдуманная легенда о противостоянии неизвестного римского императора и «многочисленного народа на другом берегу Дунай реки» [Там же, 11] призвана снизить пафосное отношение к историческому наследию, которое с избытком описано во многих дореволюционных текстах, и пробудить интерес к получению реального исторического знания: «Ника даже добыл из чемодана своего учебник древней истории и уверял нас, что Адаканское царство — это искалеченное название царства Дакова, уничтоженное императором Траяном в начале II в. по Р. Хр.; <...> Я обращался ко многим сведущим людям за объяснением, а потом в университетское время, не раз и сам принимался искать источники этой легенды, но ничего близкого к ней не находил» [Там же, 22]. В своем тексте автор уже не следует документальности изложения и использует древнее прошлое только в качестве декораций к выдуманному сюжету, намеренно избегая включения в повествование реальных исторических деятелей.

Постепенно подход писателей русского зарубежья к трактовке истории в новых, изменившихся условиях смещается с описания отдельного исторического события или биографии исторической личности в область личных воспоминаний о событиях недавнего прошлого и индивидуальной истории каждого эмигранта.

В повести П. Н. Краснова «Мантык, охотник на львов» (1928) рассказчик — взрослый эмигрант пересказывает детям историю своего троюродного деда-охотника, жившего в военном укрепении Раимском (форт Раим) в 1847-м г. Описывая жизнь поселенцев казаков в оренбургских степях, автор передает различные этнографические детали и исторические подробности военного дела периода 1840–1850-х гг. Исторические события и, собственно, причины появления военных укреплений в отдаленных регионах Приаралья остаются за рамками основного сюжета — выслеживания и охоты на диких зверей. История становится фоном для создания автобиографии² и бытовых зарисовок, характерных для повседневности крестьянского или дворянского сословия.

Михаил Первухин в сборнике рассказов «Дьяволэтто» (1922) вписывает в свой текст датированные исторические события Русско-турецкой войны (1877–1878), акцентируя внимание не на военных событиях, а на повседневной жизни и жизни животных в семейном хуторе: «Я мог бы многое порассказать о том, как нам жилось в те дни, когда шла тяжелая русско-турецкая война, принесшая с собой столько огорчений, разочарований и тягостей русскому народу, — но это вывело бы меня из рамок моего рассказа, посвя-

шенного нашим старым друзьям из мира животных» [Первухин 1922, 112]. Исторические события вытесняются личной историей о детстве, которая приоритезируется автором. История жизни на хуторе с семьей, уход за животными и жизнь самих животных приобретает не меньшую значимость, чем описание событий из «большой истории».

Критики поддерживают подход, при котором индивидуальная память становится инструментом создания исторического нарратива повседневности. Когда «историческая и бытовая правда переплетены с художественным вымыслом», критики считают вероятность преувеличения событийности и избыточности наукообразия или, наоборот, «вымысла» и поэтому отдают предпочтение текстам, написанным в форме воспоминаний: «Воспоминания Ч. А. Истмэна (Охиджезы) не являются ни беллетристическим, ни историческим произведением. <...> Все то, что осталось в памяти автора, добросовестно передано» [С. Л-и 1924, 8]; «Характер описания, характер изложения таковы, что вполне верится в подлинность этих личных воспоминаний, верится в то, что это не литературный прием. И в этой подлинности всего живого этнографического материала лежит главный интерес книги. <...> Так как автор излагает свои воспоминания детства, то и события и все переживания охватывают круг понятий интересов ребенка и подростка» [Елачич 1924, 119] — это отзывы критиков на издание беллетризированной автобиографии индейского писателя Чарльза Истмена (Охайеза) о его жизни в Канаде среди индейцев сиу в подростковом возрасте.

В художественной литературе для детей, изданной в период с 1920 по 1939 гг., мы не встретим ни одного текста, в котором настоящая и будущая жизнь детей не ассоциировалась бы с воспоминаниями о прошлом и не была бы связана с возвращением в Россию. При этом возвращение, как таковое, в литературе не описывается. Представление о неизвестной, послереволюционной России заменяется образами из прошлого. «Волшебный мальчик», герой фантазийных рассказов М. Ю. Юшкевича, умеет перемещаться во времени и видеть будущее, но отказывается его знать, поскольку боится увидеть трагические события — смерть близких родственников, другой семейный дом, изменившийся географический ландшафт: «Но зачем ему заглядывать дальше в будущее, чтобы жалеть о прошлом, когда оно еще не прошло? <...> Довольно будущего!.. У него живая, добрая, милая мама и папа... <...> Он еще долго будет таким, как сейчас, они еще много лет будут жить в славном старом доме, долго против его окон еще будет зеленеть его милая гора...» [Юшкевич 1933,

86–87]. Фантастические миры и выдуманные пространства, традиционно связанные с осмыслением специфики будущего времени, в целом не свойственны детской литературе русского зарубежья. Представление о России должно строиться на понятных образах, известных каждому взрослому эмигранту, поэтому авторы воспроизводят повседневность своего детства: отдых летом на даче, игрушки, детская комната, родители и близкие родственники, семейные праздники.

Автобиографичная книга Елены Ильиной-Полторацкой «Как мы росли в старинной усадьбе» прямо в названии воспроизводит обращение к памяти как источнику сведений о пространстве мира детства. Эта книга представляет собой короткие зарисовки из детства 7–8-летней девочки, не связанные общим сюжетом, напоминающие развернутые подписи к фотографиям: «Мне семь лет, но я считаюсь большой и у меня отдельная розовая комната. Катюля меня годом моложе, а Петяка — двумя. Они спят вместе в детской и находятся на положении маленьких» [Ильина-Полторацкая 1920, 7]. Писательница подробно описывает дом в имении Высокое, в котором росли дети, сад, укромные уголки вокруг дома, овраг, постройки вокруг дома и домашних животных, стараясь запечатлеть каждую мелочь, вплоть до тактильных ощущений и эмоций — страха, обиды, радости: «Ночью немного страшно: я боюсь, что с балкона в окно могут влезть разбойники» [Там же, 8].

История повседневной жизни, основанная на индивидуальной памяти, занимает место исторической беллетристики в дореволюционных изданиях и предлагает новые формы освоения исторического знания. Авторы рубрики «Крепко помни о России» в известном эмигрантском журнале для детей «Зеленая палочка» (1920–1921) буквально предлагают совершить прогулку по улицам знакомых городов — Санкт-Петербурга и Москвы, уездных городов: «Если вы были в Петербурге весной, то я постараюсь вам об этом напомнить. Если вы не были, может быть, мне удастся дать хоть частью схожие картины лучшего для меня города в лучшее дня него время. Заснувши зимним парижским вечером, проснемся майским петербургским утром. Комната наша на Фурштадтской залита уже высоким солнцем. Пройдем солнечную и немного сонную улицу с важной и вместе с тем легкой киркой Св. Анны. Минувем Литейную с Арсеналом и пушками и выйдем на набережную» [Струве 1921, 21]. Этот прием был использован авторами, чтобы напомнить детям как выглядят города, из которых они вынуждены были уехать, и чтобы подготовить их к новой встрече в будущем:

«Но дети наши, конечно, увидят и конечно войдут опять в обетованную русскую землю»³ [Яблоновский 1927, 3].

Рассуждая о содержании и тематике книг для детей за рубежом, В. Н. Бобринская неоднократно напоминает, что нет необходимости создавать новые тексты для детей, достаточно «возобновить нашу прежнюю русскую литературу, непосредственно передающую настоящую русскую быль, исконную русскую жизнь» [Бобринская 1926, 2]. Нехватку учебников предлагается восполнять книгами «для внеклассного употребления, в том чтении, которое, говоря воображению и чувству ребенка, перенесет его в необъятную ширь „русских полей“ русских рек и лесов, раскроют ему глубины прошедших времен и свяжут его коренным образом с отчизной его предков и его самого»⁴ [Там же, 2]. Этот подход сформировал в среде эмигрантов установку на изоляцию и самосохранение, при котором индивидуальная память приобретает историзирующую функцию. На фоне переживания тяжелого опыта беженства, войны и бегства из России усиливается внимание к личной истории, собственная память становится ресурсом исторического знания и приобретает историческое значение.

Примечания

- ¹ В. Н. Бобринская оказалась в эмиграции в Константинополе в 1920 г. Сначала в Константинополе, а затем в Праге и Париже, она занималась вопросами беженцев из Российской империи: регистрацией детей и взрослых, созданием школ и гимназий, устройством библиотек и больниц.
- ² Описанные в книге события частично воспроизводят факты из биографии писателя и его предков. П. Н. Краснов (1869–1947) был военным и политическим деятелем, изучал повседневность и культуру Манчжурии, Китая и Японии.
- ³ Пунктуация сохранена как в оригинале.
- ⁴ Так в оригинале.

Литература

Источники

- А. П. 1924* — А. П. [Рецензия] // Накануне. 1924. № 534 (17), 20 янв. С. 8. Рец. на кн.: Росимов Г. В царстве игрушек / рис. В. Мозалевской. Берлин: Изд. Ладыжникова, 1923.
- А. Р-ин 1929* — А. Р-ин. [Рецензия] // Сегодня. 1929. № 108. С. 8. Рец. на кн.: Виппер Р. Русская история с иллюстрациями и картами. Рига, 1929.

Бицилли 1927–1928 — Бицилли П. М. К вопросу о пропедевтическом курсе истории в средней школе // Русская школа за рубежом. 1927–1928. № 26. С. 197–209.

Бобринская 1926 — Бобринская В. Н. Наш долг перед русскими детьми // Возрождение. 1926. 22 апр. С. 2.

Бобринская 1933 — Бобринская В. Н. Библиотека для детей: письмо в редакцию // Возрождение. 1933. 14 сент. С. 4.

Воспоминания 1924 — Воспоминания 500 русских детей / предисл. В. В. Зеньковского. Прага, 1924. (Пед. бюро по делам сред. и низш. рус. шк. за границей; 1).

Жданов 1904 — Жданов Л. Г. Царь Иоанн Грозный: Историческая повесть: В 2 ч.: Изд. вполне переработано для юношества. Ч. 1. СПб.: А. Ф. Девриен, 1904.

Елачич 1923 — Елачич Е. А. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. 1923. № 4. С. 119–120. Рец. на кн.: Акинфеева Е. Отечественная старина. Очерки русской истории / худож. А. Штирен. Берлин: Изд. О. Кирхнера и Ко, 1923.

Елачич 1923а — Елачич Е. А. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. 1923. № 5–6. С. 215. Рец. на кн.: Жданов Л. Стрельцы у трона: Историческая повесть конца царствования Алексея Михайловича / худож. А. Аписит. Берлин: Изд. А. Девриена, [1922?].

Елачич 1924 — Елачич Е. А. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. 1924. № 8. С. 119–120. Рец. на кн.: Истмэн Ч. А. Охиджеза. Юношеские воспоминания индейца племени Сиу / пер. А. А. Кублицкой-Пиоттух. Берлин: Изд. А. Девриена, 1923.

Елачич 1930 — Елачич Е. А. Сильные духом: рассказы. Белград: Издательская комиссия, 1930. (Библиотека для юношества).

Ильина-Полторацкая 1920 — Ильина-Полторацкая Е. Как мы росли в старинной усадьбе. Берлин: Рус. творчество, [1920].

Первухин 1922 — Первухин М. К. Дьяволэтто: Рассказы для детей. Берлин: Слово, 1922. (Дет. 6-ка «Слова»).

С. Л-и 1924 — С. Л-и [Рецензия] // Накануне. 1924. № 557 (40), 17 февр. С. 8. Рец. на кн.: Истмэн Ч. А. Охиджеза: юношеские воспоминания индейца племени Сю / перевод С. Кублицкой-Пиоттух. Берлин: Изд. А. Ф. Девриен, 1923.

Салтупе 1999 — Рижская городская русская гимназия (бывшая Ломоносовская) 1919–1935. Воспоминания М. В. Салтупе (ур. Морозовой), выпускницы 1937 г. // Русские Латвии: история, культура, современность: [сайт]. 1999. URL: http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/rgrg/rgrg_vospominanija_saltupe.html#5.

Струве 1921 — Струве М. Петербург: очерк // Зеленая палочка. 1921. № 1 (8). С. 21–23.

Юшкевич 1933 — Юшкевич М. С. Новый Гептамерон: Удивительные приключения волшебного мальчика. Париж: Я. Поволоцкий, 1933.

Яблоновский 1927 — Яблоновский А. Русским детям // Молодая Россия: Сборник для детей / под ред. А. М. Черного; Обл. и рис. в тексте худож. Ф. С. Рожанковского. Париж: Об-ние земских и гор. деятелей, 1927.

Исследования

Безрогов 2021 — Безрогов В. Утопия ограды для детей и взрослых: образы детства в берлинском букваре Евгении Акинфеевой // Корабли из бумаги: эмиграция и учебная книга XIX–XX вв. (историко-педагогическое исследование). Коллективная монография / под ред. В. Г. Безрогова, Е. Ю. Ромашинной. Тула: Дизайн Коллегия, 2021. С. 94–122.

Димьяненко 2015 — Димьяненко А. Особенности издания детской книги русского зарубежья в 1920–1940-е гг. // Детские чтения. 2015. № 2 (8). С. 95–104.

Каталог 1925 — Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г. / сост. М. П. Кадиш; В. А. Гольденберг. Берлин: Союз рус. издателей и книгопродавцев в Германии, [1925].

Русская зарубежная книга 1924 — Русская зарубежная книга: в 2 т.: Т. 2. Прага, 1924. (Труды Комитета русской книги).

References

Bezrogov 2021 — Bezrogov, V. (2021). Utopiya ogrady dlya detey i vzroslykh: obrazy detstva v berlinskom bukvarе Evgenii Akinfeevoy [Utopia of a fence for children and adults: images of childhood in the Berlin primer by Evgenia Akinfeeva]. In V. Bezrogov, E. Romashina (Eds.), *Korabli iz bumagi: emigratsiya i uchebnaya kniga XIX–XX vv. (istoriko-pedagogicheskoe issledovanie). Kollektivnaya monografiya* [Ships made of paper: emigration and educational book of the 19th–20th centuries. (historical and pedagogical research)] (pp. 94–122). Tula: Dizayn Kollegiya.

Dimianenko 2015 — Dimianenko, A. (2015). Osobennosti izdaniya detskoj knigi russkogo zarubezh'ya v 1920–1940-e gg. [Peculiarities of publishing children's books from Russian abroad in the 1920s–1940s.]. *Detskie chtenia*, 2 (8), 95–104.

Katalog 1925 — Kadish, M., Gol'denberg, V. (Eds.). (1925). *Katalog knig, vyshedshikh vne Rossii po iyun' 1924 g.* [Catalog of books published outside Russia until June 1924]. Berlin: Soyuz rus. izdateley i knigoprodavtsev v Germanii.

Russkaya zarubezhnaya kniga 1924 — Russkaya zarubezhnaya kniga: v 2 t.: T. 2. [Russian foreign book: in 2 volumes] (Vol. 2.). Praga: Trudy Komiteta ruskoy knigi.

Anna Dimianenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij dom); ORCID:
0000-0002-7378-0613

RETURN TO THE FUTURE: HISTORICAL FICTION IN
CHILDREN'S LITERATURE OF THE RUSSIAN EMIGRATION
IN 1920–1939

The article analyses the representation of the historical past in Russian-language literature for children published in Europe from 1920 to 1939. Emigration from Russia after 1917 proclaimed the main task of its existence as preparation for return. By 1924, according to researchers' estimates, about 18–20 thousand Russian-speaking children had left Russia, whose families planned to return in the near future. Prior to the potential realisation of this task, the emigrant community strove at all costs to prevent the cultural assimilation of the younger generation abroad. Maintaining and preserving Russian culture for the younger generation was suggested through language, literature, and education.

The idea of future return and images associated with the native culture are formed from the emigrants' perceptions of the only reality understandable to them — the past of the abandoned Russia. On the material of historical fiction for children, published in emigration for the first time in 1920–1939, and reprints of pre-revolutionary texts, we analyse the changes in emigrants' works of the object of historical knowledge: the shift of focus from historical events and biographies of historical personalities to the history of individual everyday life.

Keywords: historical fiction, children's literature of emigration, criticism, memory, children's reading